

матую соломенною кровлею, на этомъ мѣстѣ, нужны были, что оно было слишкомъ удалено отъ того, что называлось тогда центромъ деревни. Когда же, лѣтъ черезъ тридцать или сорокъ, деревня разрослась въ городъ, это мѣсто, занятое грубо сплоченною лачугою, чрезвычайно какъ приглянулось одному статному и сильному человѣку, который и предъявилъ благовидныя притязанія на владѣніе какъ этимъ участкомъ, такъ и обширною полосою окрестныхъ земель, — въ силу пожалованія ему оныхъ отъ правительства. Этотъ претендентъ былъ полковникъ Пинчонъ, известный намъ, по нѣсколькимъ чертамъ характера, который сохрѣненъ преданіемъ, какъ человѣкъ энергически-непреклонный въ своихъ намѣреніяхъ. Матѳеи Моль, съ своей стороны, несмотря на низкое свое званіе, тоже отличался особеннымъ упорствомъ въ защитѣ того, что онъ считалъ своимъ правомъ, и, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ въ состояніи отстаивать одинъ или два акра земли, которые онъ собственными руками очистилъ отъ первоначальнаго лѣса подлѣ усадьбы. Намъ не извѣстенъ ни одинъ письменный документъ, касающійся этой тяжбы. Свѣдѣнія наши обо всемъ событіи основаны болѣею частію на преданіи. Поэтому было бы слишкомъ смѣло и пожалуй несправедливо дѣлать рѣшительное заключеніе о законности или незаконности дѣйствій обѣихъ сторонъ, хотя, впрочемъ, преданіе оставило подлѣ сомнѣніемъ, не перешелъ ли полковникъ Пинчонъ за границу своихъ правъ, чтобы присвоить себѣ небольшое владѣніе Матѳея Моли. Это подозрѣніе подтверждается всего болѣе фактомъ, что споръ между двумя столь неравными противниками — и притомъ въ періодъ, когда личное вліяніе имѣло гораздо больше вѣсу, нежели нынѣ — оставался нѣсколько лѣтъ нерѣшеннымъ и окончился только смертію владѣльца оспоришаемаго участка земли. Родъ смерти его также поражаетъ умъ паче въ наше время, нежели полтора столѣтія назадъ. Онъ придалъ незнакомому имени владѣльца хижины какое-то ужасное значеніе, такъ что послѣ казалось дѣломъ весьма отважнымъ — вспахать небольшое пространство, занятое его жилищемъ, и изгладить слѣдъ этого жилища и память о немъ въ народѣ.

Старый Матѳеи Моль, однимъ словомъ, былъ казненъ за коловство. Онъ былъ одною изъ жертвъ этого ужаснаго суевѣрія, которое, между прочимъ, доказываетъ намъ, что въ ста-

ринной Америкѣ сословія сильныя, стоявшія во главѣ народа, раздѣляли въ такой же степени великое фанатическое заблужденіе своего вѣка, какъ и самая темная чернь. Духовенство, судьи, государственные сановники — умнѣйшіе, спокойнѣйшіе, непорочнѣйшіе люди своего времени — громче всѣхъ одобряли иногда кровавое дѣло и послѣдніе сознавали себя жалко обманутыми. Столько же мрачную сторону поведенія ихъ составляетъ странная безразборчивость, съ которою они преслѣдовали не только людей бѣдныхъ и дряхлыхъ — какъ это было въ болѣе отдаленныя времена — но и лицъ всѣхъ званій, преслѣдовали равныхъ себѣ, преслѣдовали собственныхъ братьевъ и женъ. Неудивительно, если посреди такой мѣшанины несчастій, человѣкъ, столь незначительный, какъ Моля, очутился на мѣстѣ казни, почти незамѣченный въ толпѣ своихъ товарищей по участи. Но впоследствии, когда миновалъ фанатизмъ этой эпохи, вспомнили, какъ громко полковникъ Пипчонъ вторилъ общему крику, чтобы участокъ земли былъ очищенъ отъ колдовства. Говорили въ тихомолву и о томъ, что онъ имѣлъ свои причины добиваться съ такимъ ожесточеніемъ осужденія Матвея Моля. Каждому было не безызвѣстно, что несчастный протестовалъ противъ жестокости личной злобы своего преслѣдователя и объявилъ, что его, Моля, ведутъ на смерть изъ за его имущества. Въ минуту самой казни — когда уже ему надѣли петлю на шею, въ присутствіи полковника Пипчона, который, верхомъ на конѣ, смотрѣлъ съ угрюмымъ видомъ на ужасную сцену — Моля обратился къ нему съ эшафота и произнесъ предсказаніе, котораго точныя слова сохранены какъ исторією, такъ и преданіями у домашняго очага: «Богъ — сказать умирающей, указывая пальцемъ и вперивъ злобный взглядъ въ безчувственное лицо своего врага — Богъ напоитъ его моею кровью!»

По смерти мнимаго чародѣя, убогое его хозяйство сдѣлалось легкою добычею полковника Пипчона. Но когда разнесся слухъ, что полковникъ намѣренъ построить себѣ домъ — обширный, крѣпко срубленный изъ дубовыхъ брусьевъ домъ, рассчитанный на много поколѣній впередъ — на мѣстѣ, которое прежде было занято лачугою Матвея Моля — деревенскіе кузовья часто покачивали между собой головами. Не выражалъ положительно сомнѣнія въ томъ, чтобы могущественный пуританинъ

дѣйствовать добросовѣстно и справедливо, но время упомяну-
таго нами процесса, они, однакожь, намекали, что онъ хочетъ
строить свой домъ надъ могилой, не советѣмъ покойной. Домъ
его будетъ заключать въ своихъ стѣнахъ бывшее жилище повѣ-
щеннаго колдуна, слѣдовательно ластъ нѣкоторое право духу
Матѳеи Моли разгуливать по новымъ покоемъ, гдѣ будущія мо-
лодые четы устроятъ свои спальни и гдѣ будутъ рождаться на
свѣтъ потомки Пинчона. Ужасъ и отвращеніе, внушаемая пре-
ступленіемъ Моли, и страшное воспоминаніе о его казни будутъ
омрачать свѣжую штукатурку стѣнъ и заранѣе сообщать имъ
запахъ стараго, печальнаго дома. Странно, что, имѣя въ своемъ
распоряженіи столько земли, устланной листьями дѣтственныхъ
еще лѣсовъ, полковникъ Пинчонъ выбралъ для своей усадьбы
именно это мѣсто!

Но пуританинъ-воинъ и вмѣстѣ судья былъ не такой чело-
вѣкъ, чтобы отказать отъ своего обдуманнаго плана изъ стра-
ха привидѣній или изъ пустой чувствительности, каково бы ни
было ея основаніе. Еслибъ ему сказали о вредномъ воздухѣ, —
это, пожалуй, еще сколько нибудь подѣйствовало бы на него;
что же до злого духа, то онъ готовъ былъ сразиться съ
нимъ во всякое время. Одаренный массивнымъ и твердымъ
смысломъ, какъ кусокъ гранита, и укрѣпленный сверхъ
того, какъ желѣзными связями, непоколебимую стойкостью
въ своихъ намѣреніяхъ, онъ, что бы ни задумалъ, оставался
до конца вѣренъ своему замыслу, не допуская и мысли, что-
бы можно было возражать противъ него. Что касается до
деликатности или какой нибудь щекотливости, происходящей
отъ утонченнаго чувства, то полковникъ былъ совершенно къ
нимъ неспособенъ. Итакъ, ничто не мѣшало ему рыть погребъ и
закладывать глубоко основанія своего дома на томъ самомъ мѣ-
стѣ, которое, нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, Матѳеи Моли
очистилъ впервые отъ лѣсныхъ листьевъ. Замѣчательно — а по
мнѣнію нѣкоторыхъ, даже знаменательно — обстоятельство,
что не успѣли работники привыгся за дѣло, какъ упомянутый
выше источникъ совершенно потерялъ прекрасныя свойства
своей воды. Были ли его волнины жилы нарушены глубиною по-
ваго погреба, или здѣсь скрывалась болѣе таинственная причи-
на, только и вѣстно, что вода въ Молевомъ источникѣ — какъ
продолжали называть его — сдѣлалась жесткою и солоноватою.

Она и до сихъ поръ остается такою, и каждая старуха въ соседствѣ будетъ увѣрять насъ, что отъ нея зарождаются разные внутреннїи болѣзни.

Странно, можетъ быть, покажется читателю, что хозяинъ плотниковъ, работавшихъ новый домъ, былъ не кто другой, какъ сынъ того самого человѣка, у котораго отнята была его собственность. Вѣроятно, онъ былъ лучший мастеръ въ свое время; а можетъ быть, полковникъ считалъ нужнымъ—или подвигнуть былъ какимъ нибудь лучшимъ чувствомъ—отвергнуть при этомъ случаѣ всю вражду свою противъ поколѣнія павшаго соперника. Впрочемъ, такова была спекулятивность тогдашняго нѣка, что сынъ готовъ былъ заработать честныя деньги, или, лучше сказать, порядочное количество фунтовъ стерлинговъ, даже у смертельнаго врага своего отца. Какъ бы то ни было, только Томасъ Моуль былъ архитекторомъ Дома о Семи Шнѣлихъ и исполнилъ свое дѣло такъ честно, что дубовая постройка, сложенная его руками, держится до сихъ поръ.

Итакъ, огромный домъ былъ выстроенъ. Сколько я его помню, онъ всегда былъ старъ, — а я помню его съ дѣтства: онъ уже и тогда былъ предметомъ моего любопытства, какъ лучший и прочтѣннѣйшій образецъ давнопрошедшей эпохи и вмѣстѣ какъ сцена происшествій, исполненныхъ интереса, можетъ быть, гораздо въ большей мѣрѣ, нежели приключенія стрѣлыхъ феодальныхъ замковъ; онъ всегда былъ для меня древнимъ домомъ, и потому мнѣ очень трудно представить блескъ новизны, въ какомъ озарило впервые его солнце. Впечатлѣнїе настоящаго его положенія, до котораго дошелъ онъ въ теченіе ста-шестидесяти лѣтъ, неизбежно будетъ омрачать картину, въ какой мы бы желали представить себѣ наружность его въ то утро, когда пуританскій магнатъ звалъ къ себѣ въ гости весь городъ. Въ домѣ имѣло совершиться освященіе вмѣстѣ съ празникомъ новоселья. Послѣ молитвы и проповѣди почтеннаго мистера Гиггинсона и послѣ пѣнія псалма соединенными голосами собранїа, для чувствъ болѣе грубыхъ готовилось обильное возлїаніе пива, сидра, вина и волки, и, какъ извѣстно было кой отъ кого, надобно было ожидать также зажареннаго цѣликомъ быка или по крайней мѣрѣ разрѣзанныхъ искусно частей говядины, въ количествѣ, равномъ вѣсомъ и объемомъ цѣлому быку. Туловище козы, застрѣленной въ двадцати версгахъ, до-

ставило матеріалъ для обширнаго пастета. Треска въ шестьдесятъ фунтовъ, пойманная въ заливѣ, разварена была въ прекрасную уху. Словомъ, труба новаго дома, выбрасывая на воздухъ кухонный дымъ, наполняла всю окрестность ароматомъ говядины, дыхи и рыбы, обильно приправленныхъ душистыми травами и лукомъ, такъ что одинъ уже запахъ такого праздника, долетая до каждаго носа въ городѣ, былъ вмѣстѣ и приглашеніемъ и возбужденіемъ аппетита.

Молевъ переулочекъ, или, какъ его называли теперь — гораздо великолѣпнѣе, Пичинова улица въ назначенный часъ была наполнена народомъ: каждый, подойдя къ дому, осматривалъ снизу до верху величавое зданіе, которое съ этого времени должно было занять свое почетное мѣсто между жилищами всего рода. Оно нѣсколько удалилось отъ черты улицы, но скорѣй изъ гордости, нежели изъ скромности. Весь фасадъ его былъ украшенъ страшными фигурами, произведеніемъ грубой готической фантазіи, выгнанными выпукло или вѣзаннми на блестящей штукатуркѣ изъ глины, кремней и битаго стекла, которая одѣвала деревянную работу стѣнъ. По всѣмъ угламъ, семь острокопечныхъ фронтоновъ со шпильми возносились къ небу и представляли видъ цѣлой семьи строеній, дышавшей посредствомъ одной огромной трубы. Многочисленные перегородки въ окнахъ, съ своими мелкими, выгнанными алмазомъ стеклами, пропускали солнечный свѣтъ въ залу и въ другіе покои, между тѣмъ какъ второй этажъ, высовываясь впередъ надъ первымъ, бросалъ тѣнь меланхолическую мрачность въ нижнія комнаты. Деревянные шары, украшенные рѣзьбою, были прикрѣплены полъ выступами верхняго этажа. Небольшія желѣзные спирали украшали каждый изъ семи шпилей. На треугольникѣ шпиль, глядѣвшаго на улицу, въ тоже самое утро утверждены были солнечные часы, на которыхъ солнце показывало все еще первый свѣтлый часъ исторіи, которой не суждено было продолжаться также свѣтло. Вокругъ дома земля была еще завалена щепками, обрѣзками дерева, досками и битымъ кирпичомъ; все это, вмѣстѣ съ недавно взрытою почвою, которая не успѣла еще порости травой, усиливало впечатлѣніе странности и новости, какое производитъ на насъ домъ, не совсѣмъ еще занявшій свое мѣсто въ повседневной человѣческой жизни.

Главный входъ, почти равнявшійся шириною церковной

двери, находился въ углу между двумя передними шпильми и былъ прикрытъ открытымъ портикомъ, подъ которымъ устроены были скамейки. И вотъ подъ сводомъ этого двернаго навѣса, задѣвая ногами за необтертый еще порогъ, прошли церковный причтъ, старѣйшины конгрегаціи, судьи и все, что было аристократическаго въ городѣ или въ околоткѣ. Туда же провалили и плебейскія сословія, съ такой же свободой, какъ и ихъ старшины, только въ гораздо большемъ числѣ. Впрочемъ, въ домѣ, у самого входа, стояло двое слугъ, указывая нѣкоторымъ гостямъ дорогу въ сосѣднюю кухню и пропуская другихъ въ лучшія комнаты. Гостепріимство здѣсь оказывалось всѣмъ, но съ строгимъ наблюденіемъ высшаго или низшаго званія каждаго. Въ ту эпоху, бархатныя одежды — мрачнаго цвѣта, но богатыя — густо сложенные брижи и банты, шитыя перчатки, почтенныя бороды и выраженіе повелительности въ лицѣ давали возможность легко отличать знатнаго господина отъ купца съ его хлопотливою наружностью или отъ ремесленника въ его кожаной жакеткѣ, боязливо пробирающагося въ домъ, который онъ, можетъ быть, самъ помогаль строить.

Одно обстоятельство, не предвѣщавшее ничего добраго, возбудило въ нѣкоторыхъ, болѣе нежели другіе щекотливыхъ, посѣтителяхъ съ трудомъ скрываемое неудовольствіе. Основатель этого великолѣпнаго дома — джентльменъ, извѣстный своею строго размѣренною и тяжелою учтивостью — долженъ былъ, согласно съ обычаемъ, непременно стоять въ своей залѣ и первый привѣтствовать каждаго изъ множества важныхъ гостей, почтившихъ своимъ присутствіемъ его торжественный праздникъ. Но онъ до сихъ поръ не показывался, и самые дорогіе изъ его гостей все еще не видали его. Такая грубость со стороны полковника Пинчона сдѣлалась еще загадочнѣе, когда второе, по значенію, лицо въ провинціи, явись въ домъ, также не удостоилось болѣе почтительнаго приѣма. Лейтенантъ-губернаторъ, несмотря на то, что его визитъ былъ самымъ желаннымъ украшеніемъ праздника, слѣзъ съ своего коня, помогъ своей лэди спуститься съ ея дамскаго сѣдла, перешагнувъ черезъ порогъ полковникова дома и встрѣченъ былъ только главнымъ служителемъ.

Эта особа — сѣдой человѣкъ, спокойной и весьма почтенной наружности — сочла нужнымъ объяснить знатному гостю, что господинъ его еще не выходилъ изъ своего кабинета или осо-

бешаго покоя, куда онъ, съ часъ назадъ, удалился, отдавъ приказаніе, чтобъ ни подь какимъ видомъ не беспокоили его.

— Развѣ ты не видишь, любезный, сказалъ главный шерифъ графства, отведя слугу въ сторону: — что это ни больше, ни меньше, какъ самъ лейтенантъ-губернаторъ? Должны тотчасъ полковнику Пиичону! Я знаю, что онъ сегодня получилъ изъ Англіи письма и за ними для него пожалуй часъ пролетитъ незамѣтно. Но онъ, я увѣренъ, будетъ досадовать, если ты допустишь его сдѣлать нежѣливость передъ однимъ изъ главныхъ нашихъ начальниковъ, который, за отсутствіемъ губернатора, представляетъ, можно сказать, особу самого короля Вильгельма. Должны тотчасъ твоему господину!

— Не могу, съ позволенія вашей милости, отвѣчалъ слуга въ большомъ смущеніи, но съ твердостью, которая ясно обнаруживала строгость домашней дисциплины полковника Пиичона: — полковникъ отдалъ самыя точныя приказанія, а вашей милости извѣстно, что онъ не терпитъ въ своихъ слугахъ ни малѣйшаго неповиновенія. Пускай кто угодно отворитъ эту дверь, только это буду не я, хоть бы мнѣ приказалъ самъ губернаторъ!

— Полно полно, господинъ главный шерифъ! вскричалъ лейтенантъ-губернаторъ, который слышалъ предшествовавшій разговоръ и не боялся уронить свое достоинство. — Я возьму на себя это дѣло: пора уже доброму полковнику выйти къ друзьямъ; иначе мы готовы подумать, что онъ слишкомъ усердно отвѣдалъ своего канарійскаго, выбирая, которую бочку лучше пачать въ честь нынѣшняго дня! Но такъ какъ онъ ужь чрезчуръ запоздалъ, такъ я самъ ему напомню о гостяхъ!

Съ этими словами, онъ зашагалъ по полу съ такимъ шумомъ, что его можно было слышать въ отдаленнѣйшемъ изъ семи шпилей, подошелъ къ двери, на которую указывалъ слуга, и потрясъ ея половинки громкимъ, безцеремоннымъ стукомъ. Потомъ, оглянувъ съ улыбкою собраніе, онъ ожидалъ отвѣта. Но какъ отвѣта никакого не было, то онъ постучалъ снова; только и на этотъ разъ результатъ былъ тотъ же. Тогда лейтенантъ-губернаторъ, будучи нѣсколько холерическаго сложенія, взялъ тяжелую рукоятку своей шпаги и загремѣлъ ею такъ сильно въ дверь, что, по словамъ присутствовавшихъ, которые при этомъ перешепнулись между собою, грохотъ ея могъ бы разбудить и мертваго. Какъ бы то ни было,

но на полковника Пинчона онъ не произвелъ никакого возбужденнаго дѣйствія. Когда умолкнулъ стукъ, въ домѣ царствовало глубокое, страшное, тяготившее душу молчаніе, несмотря на то, что у многихъ гостей языки поразвязались уже одною или двумя рюмками вина, или спиртуозныхъ напитковъ, выпитыми не въ зачетъ будущаго угощенія.

— Странно, право! очень странно! вскричалъ лейтенантъ-губернаторъ, перемѣнивъ свою улыбку на угрюмое выраженіе лица. — Но такъ какъ нашъ хозяинъ подастъ намъ примѣръ несоблюденія приличій, то я тоже отложу ихъ въ сторону и безъ церемоніи войду въ его особую комнату!

Онъ повернулъ ручку — дверь уступила его рукѣ и вдругъ отворилась настежъ внезапно ворвавшимся вѣтромъ, который, подобно долгому вздоху, прошелъ отъ наружной двери чрезъ все проходы и комнаты новаго дома. Онъ зашевелилъ толковыми платьями дамъ, взбѣлъ на воздухъ длинные кудри джентльменскихъ париковъ и заколыхалъ занавѣсами у оконъ и постельными сторонами спаленъ, произведя вездѣ странное трепетаніе, которое было еще поразительнѣе тишины. Неопредѣленный ужасъ, отъ какого-то страшнаго предчувствія, палъ на душу каждаго изъ присутствовавшихъ.

Несмотря на то, гости поспѣшили къ отворенной двери, тѣсня впередъ, въ нетерпѣливомъ своемъ любопытствѣ, самого лейтенанта-губернатора. При первомъ взглядѣ, они не замѣтили ничего чрезвычайнаго. Это была хорошо убранная комната, умѣренной величины, немного мрачная отъ занавѣсокъ: на полкахъ стояли книги; на стѣнѣ висѣла большая карта и, какъ можно было догадаться, портретъ полковника Пинчона, подъ которымъ сидѣлъ самый оригиналъ, въ дубовыхъ покойныхъ креслахъ, съ перомъ въ рукѣ. Письма, пергамены и чистые листы бумаги лежали передъ нимъ на столѣ. Онъ, казалось, смотрѣлъ на любопытную толпу, впереди которой стоялъ лейтенантъ-губернаторъ; брови его были нахмурены и на его смугломъ, массивномъ лицѣ замѣтно было неудовольствіе, какъ будто онъ сильно оскорбленъ вторженіемъ къ себѣ гостей.

Небольшой мальчикъ, внукъ полковника, единственное человѣческое существо, которое осмѣливалось фамильярничать съ нимъ, протѣснился въ эту минуту сквозь толпу гостей и побѣжалъ къ сидѣвшей фигурѣ; но, остановясь на половникѣ доро-

ги, онъ поднялъ крикъ испуга. Гости, вздрогнувъ всѣ разомъ, какъ листья на деревѣ, подступили ближе и замѣтили въ пристальномъ взглядѣ полковника Пинчона ненатуральное выраженіе; на его манжетахъ видны были кровавыя пятна, и серебристая борода его была также обрызгана кровью. Поздно было уже подавать помощь. Жестокосердый пуританинъ, неутомимый преслѣдователь, хищный человѣкъ съ непреклонною волею былъ мертвъ! мертвъ въ своемъ новомъ домѣ! Преданіе, едва ли стоящее упоминанія, потому что оно придаетъ отбѣнокъ суевѣрнаго ужаса сценѣ, можетъ быть, и безъ него уже довольно мрачной, — преданіе утверждаетъ, будто бы изъ толпы гостей поднялся чей-то громкій голосъ, напомнившій послѣдніе звуки голоса старатаго Матвея Моли, казеннаго колдуна: «Богъ напоилъ его моею кровью!»

Такъ-то рано смерть — этотъ гость, который непременно явится во всякое жилище человѣческое — перешагнула черезъ порогъ Дома о Сами Шиндахъ!

Внезапный и таинственный конецъ полковника Пинчона на-дѣлалъ въ то время много шума. Довольно было разныхъ толковъ — изъ которыхъ нѣкоторые, въ неопредѣленномъ вѣдѣ, дошли до нашихъ дней — о томъ, что, по всѣмъ признакамъ, онъ умеръ насильственною смертию, — что на горлѣ у него замѣчены были слѣды пальцевъ, а на изматыхъ манжетахъ отпечатокъ кровавой руки, и что его остроконечная борода была включена, какъ будто кто-то, крѣпко схвати, терзала ее. Принято было также въ соображеніе, что рѣшотчатое окно подлѣ кресла полковника было на ту пору открыто, и что только за пять минутъ до рокового открытія замѣчена была человѣческая фигура, перелѣзавшая черезъ садовую ограду позади дома. Но было бы негѣло придавать какую нибудь важность этого рода исторіямъ, которыя непременно вырастутъ вокругъ всякаго подобнаго происшествія, и которыя, какъ и въ настоящемъ случаѣ, иногда переживаютъ нѣблыя столѣтія, подобно грибамъ-поганымъ, указывающимъ мѣсто, гдѣ свалившійся и засохшій стволъ дерева давно уже превратился въ землю. Что касается собственно до насъ, то мы придаемъ имъ такъ же мало вѣры, какъ и баснѣ о костяной рукѣ, которую будто бы видѣлъ лейтенантъ-губернаторъ на горлѣ полковника, но которая исчезла, когда онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ по комна-

тъ. Известно только, что нѣсколько докторовъ медицины держали долгую консультацію и жарко спорили о мертвомъ тѣлѣ. Одинъ, по имени Джонъ Свинпертонъ — особа, по видимому, весьма важная — объявилъ, если только мы ясно повлзли его медицинскія выраженія, что полковникъ умеръ отъ апоплексіи. Каждый изъ его товарищей предлагалъ особенную гипотезу, болѣе или менѣе правдоподобную; но все они облакали свои мысли въ такія темныя, запутанныя фразы, которыя должны были свести съума неученаго разсуждателя ихъ мнѣній. Уголовный судъ освидѣтельствовалъ тѣло и, состоя изъ людей особенно умныхъ, произнесъ заключеніе, противъ котораго нечего было сказать: «Умеръ скоропостижно.»

Въ самомъ дѣлѣ, трудно предположить, чтобы здѣсь было серьезное подозрѣніе въ убійствѣ или малѣйшее основаніе обвинять какое нибудь постороннее лицо въ злодѣіи. Санъ, богатство и почетное мѣсто, какое занималъ покойникъ въ обществѣ, были достаточными побужденіями для производства самаго строгаго слѣдствія во всякомъ сомнительномъ обстоятельствѣ. Но какъ документы не говорятъ ни о какомъ слѣдствіи, то и можно основательно думать, что ничего подобнаго не существовало. Преданіе — которое часто сохраняетъ истину, забытую исторію, но еще чаще передаетъ намъ нѣлпыя современные толки, какіе въ старину велись у домашнего очага, а теперь наполняютъ газеты — преданіе одно виною всѣхъ противоположностей въ показаніяхъ. Въ издѣлѣ — послѣ напечатанномъ и уцѣлѣвшемъ донынѣ — словѣ, почтенный мастеръ Гиггинсонъ, между разными благопоученіями земного странствія сановитаго своего прихожанина, упоминаетъ о тихой, благовременной кончинѣ. Покойникъ исполнилъ все свои обязанности — юная отрасль его и грядущій родъ утверждены имъ на неизбѣжномъ основаніи и поселены подъ надежнымъ кровомъ на цѣлыя столѣтія: кака же еще оставалась высшая ступень для этого добраго человѣка, кромѣ конечнаго вѣка съ землі въ вѣчныя небесныя врата? Нѣтъ сомнѣнія, что благочестивый проповѣдникъ не произнесъ бы такихъ словъ, еслибы онъ только подозрѣвалъ, что полковникъ переселенъ въ другой міръ рукою убійцы.

Семейство полковника Пинчона, въ эпоху его смерти, по видимому, было такъ обезмечено на будущее время, какъ только это возможно при непостоянствѣ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ.